

ЯЗЫК. СЕМИОТИКА. КУЛЬТУРА

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Институт теории и истории мировой культуры

Вяч. Вс. ИВАНОВ

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ
ПО СЕМИОТИКЕ
И ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

Том V

Мифология и фольклор

ББК 83.3(2Рос=Рус)
И 18

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»*

Иванов Вяч. Вс.

И 18 Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 5: Мифология и фольклор / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Ин-т теории и истории мировой культуры. — М.: Знак, 2009. — 376 с. — (Язык. Семиотика. Культура).

ISSN 1727-1630
ISBN 978-5-9551-0301-3

Пятый том включает труды по мифологии, истории религии и фольклору. Особое внимание уделено проблеме близнечного культа в связи с двичной символической классификацией, что изучено на материале разных африканских, индоевропейских (римской, восточно-балтийской, в частности латышской, и ряда других) традиций. Предметом исследования являются мифологические мотивы, общие для разных мифологических традиций Евразии, в частности, такие, которые отражены в эпосе (в том числе птичьем и зверином). Цикл работ посвящен мифам о чудовищном псе или волке, который становился предметом поклонения и персонажем многочисленных мифов, распространенных на территории Евразии. Ранняя символика древнейших городов Малой Азии сопоставлена с древнебалканской. Проводится сравнение мифологических и религиозных представлений у народов Древнего Востока. Особо исследуются представления о внутренних психических сущностях, позволяющие проследить становление понятий сознания в Древней Греции в сопоставлении с Древним Востоком. Изучены общие черты фольклорных сюжетов разных балканских народов.

Книга представляет интерес для всех, интересующихся вопросами истории религии, мифологии и народного творчества народов мира.

ББК 83.3

На фронтисписе фотоаграмма светлАны ивАновой

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0301-3

© Вяч. Вс. Иванов, 2009
© Знак, 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
-------------------	---

I

Близнецный культ и двоичная символическая классификация в Африке	11
--	----

II

Евразийские эпические мифологические мотивы	49
Происхождение имени Кухулина.....	79
Древнебалканский и общеиндоевропейский текст мифа о герое — убийце Пса и евразийские параллели	88
Сходные черты в культе волка на Кавказе, в Древней Малой Азии и на Балканах	108
К балкано-балто-славяно-кавказским параллелям	116

III

До — во время — после?	135
Чатал-Гююк и Балканы. Проблемы этнических связей и культурных контактов	158
К архаичным формулам в хеттских гимнах	187
Структура гомеровских текстов, описывающих психические состояния.....	191

IV

Заметки о типологическом и сравнительно-историческом исследовании римской и индоевропейской мифологии.....	219
О последовательности животных в обрядовых и фольклорных текстах	246
Реконструкция структуры символики и семантики индоевропейского погребального обряда.....	251

V

Лингвистические материалы к реконструкции погребальных текстов в балтийской традиции	261
---	-----

Тропой песен: Древнее наследие в языке и фольклоре.....	269
К 100-летию «Лачплесиса» Андрея Пумпура.....	277
О «Поэме о хлебе. Колос-двойчатка» Иманта Зиедониса, Юмисе и его истории.....	283
О выборе веры в Восточной Европе.....	286
О научном ясновидении Афанасьева.....	299

VI

Происхождение и трансформации фабулы баллады о Мастере Маноле	307
---	-----

VII

О переходе от устного способа передачи и хранения текстов к письменному.....	321
О некоторых принципах современной науки и их приложении к семиотике малых (коротких) текстов.....	323
В. К. Шилейко и И. Д. Амусин о ханаанских поговорках в письмах из Эль-Амарны	327

VIII

Заметки по категории притяжательности.....	331
К семантической типологии производных от числительного «два»	343
Славянские диалекты в соотношении с другими языками Великого княжества Литовского	352

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемый том включены преимущественно те работы по мифологии, истории сознания и религии и фольклору, которые отвечают нескольким центральным научным темам, занимавшим автора на протяжении полувека.

Вопросы становления сознания современного человека, выработки основных понятий, относящихся к душе и другим основным частям психической деятельности, требовали сопоставления новейших данных науки о Древнем Востоке с тем, что можно извлечь из свидетельств раннедревнегреческих текстов.

Роль мифологии Греции, Рима и нескольких других индоевропейских традиций важна как для понимания их общих истоков (в том числе и для оценки и частичного пересмотра реконструкций, предложенных такими классиками современной науки о мифологии, как Ж. Дюмезиль), так и для проявления эволюции родственных им балто-славянских систем. Необходимость постоянного использования лингвистических сравнений при мифологических реконструкциях делала необходимой специальное исследование соотношения методов этих наук в их взаимосвязи.

Специальные методы, выработанные современными семиотическими течениями, в уточнении приемов которых участвовал автор, заставляют обратить особое внимание на системы двоичных противопоставлений символов. Эта проблема и связанная с ней реконструкция ранних бинарных оппозиций изучалась на материале Африки — классического ареала распространения близнечного культа. При изучении этого последнего на материале разных традиций (в том числе и индоевропейских — римской и восточно-балтийских, в особенности латышской) автор имел возможность продолжать напечатанные и ставшие ему доступными в рукописи замечательные исследования А. М. Золотарева, погибшего во время сталинского террора, но успевшего внести вклад в эту область знания (подробнее я говорю об этом в особой лекции, ему посвященной, в недавно изданном курсе «Дуальные структуры в антропологии», М., 2008, с. 86—126).

В настоящее время оказывается возможным развитие традиционного для русской науки исследования вопросов, касающихся ряда общих тем, мотивов и образов, единых для евразийского эпического творчества. В цикле работ, собранных в настоящем томе, обращено особое внимание на мифы, относящиеся к образам животных, в частности мифологического чудовищного пса или волка.

При изучении фольклорных мотивов ставилась задача выявления динамики их развития, эволюции разных жанров (в том числе изучаемых пареомифологией)

и преломления древних форм в последующие периоды (при изменении объема и характера текста и сохранении некоторых инвариантных черт). Мой долг по отношению к таким нашим исследователям, как В. К. Шилейко, чьими гениальными трудами по Древнему Востоку я много занимался, и мой покойный друг И. Д. Амусин, выразился в монтаже отрывков из их произведений, включенном в настоящее издание.

В своих работах, посвященных мифологической и фольклорной проблематике, я постоянно чувствовал стимулирующее воздействие совместной исследовательской деятельности, проводившейся вместе с В. Н. Топоровым начиная с наших обсуждений (скажем, книги О. М. Фрейденберг, трудов П. Г. Богатырева, Р. О. Якобсона и других наших учителей в фольклористике) в университетское студенческое и аспирантское время и дальше во всей долготе многих десятилетий жизни. Мы не только вместе с В. Н. Топоровым ездили в экспедиции (в литовские села Белоруссии и в кетские поселки на Енисее), мы заранее составляли их планы и по ходу работ и по их окончании оценивали полученные результаты. Исследование продолжалось в ходе чтений и обсуждений старинных известий и древних документов. Эта постоянная возможность поделиться мыслями и вдохновиться новыми идеями делала работу всегда увлекательной. Я надеюсь, что нам вместе удавалось добиться постижения некоторых из самых сложных вопросов сравнительной, диахронической, описательной и типологической науки о мифологических и фольклорных текстах. Их особый интерес состоит в прозрачности основных структур и длительности традиций, восходящих к глубокой древности. Поэтому полученные решения могут оказываться полезными и для других смежных наук.

Мне хотелось бы думать, что В. Н. Топоров с присущей ему доброжелательной улыбкой встретил бы появление этого собрания опытов, которые раньше едва ли бы могли появиться на свет без его сочувственного одобрения.

I

БЛИЗНЕЧНЫЙ КУЛЬТ И ДВОИЧНАЯ СИМВОЛИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ В АФРИКЕ

Предмет настоящей статьи составляют типологически общие черты культа близнецов в различных африканских традициях и диахронические закономерности его становления, рассматриваемого в связи с обычно ему сопутствующими чертами символической классификации и социальной организации.

Специфическая ритуальная роль близнецов в африканских обществах была замечена европейцами при первом же внимательном их знакомстве с Африкой. Об этом идет речь в сочинениях XVII в. В трактате Тен Рина о готтентотах (1686 г.) «*Schediasma de Promontorio Bonae Spei*» (cap. XXII) принятый у них в то время обычай умерщвления девочки в разнополой близнецной паре сопоставляется — в духе позднейшей сравнительной этнографии — с подобными установлениями в Карфагене и у скифов¹. Еще более подробно тот же обычай у готтентотов был описан в 1695 г. в сочинении Гравенбрека, где отмечены и отличные от убийства близнецов обычаи у других туземных племен. Исследования по этнографии африканских племен в XIX и начале XX в. выявили необычайную распространенность как обряда убийства близнецов, так и культа близнецов по всему континенту.

Рендель Харрис² данные о культе близнецов использовал для вывода: в основе культа лежит представление об особом — чудесном — происхождении близнецов (с участием сверхъестественных сил, чем вызвана идея двойного отцовства). К этому же выводу независимо от Р. Харриса пришел Л. Я. Штернберг³, привлекая свидетельства о культе близнецов у гереро. На очень широком африканском материале сходную гипотезу подробно обосновал С. Лагеркранц⁴.

¹ Так, если мать родит близнецов, мальчика и девочку, то по закону племени убивают последнюю в колыбели. При этом готтентоты отличаются от скифов тем, что скифы в Царстве амазонском убивали близнецов мужского пола; а от карфагенян, обитавших некогда в Африке, — тем, что те приносили Сатурну в жертву преимущественно мальчиков, до того оставленных в живых, в их невинном возрасте (The early Cape Hottentots described in the writing of Olfert Dapper (1668). Willem Ten Rhyne (1686) and Johannes Gulielmus de Gravenbrock // Ed. by I. Schapera. Cape Town, 1933. P. 142.

² R. Harris. Boanerges. Cambridge, 1913. P. 49—131.

³ Л. Я. Штернберг. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.

⁴ S. Lagercrantz. Über willkommene und unwillkommene Zwillinge in Africa // Ethnologiska studier. 12/13. Göteborg, 1941. S. 5—292.

Другой путь исследования этой проблемы в африканистике привел к постановке вопроса о соотношении культа близнецов с социальной классификацией, в частности, с особой формой тотемистической классификации. По этому пути шли изыскания А. М. Золотарева. В своей книге он принимает гипотезу Харриса и Штернберга лишь для определенного, относительно более позднего периода, ранее которого маловероятно сама идея отцовства. Золотарев предположил, что близнецный культ связан с дуалистическими космогониями, в которых основные явления мира разделены по двум противоположным рядам, и с дуальной организацией. Поскольку раздел книги, посвященный близнецному культу в Африке, до сих пор остается неизданным⁵, представляется необходимым привести здесь важнейшие его выводы. Золотарев считал, что «Африка — классическая страна культа близнецов»⁶. Но он не мог не увидеть, что африканский материал обнаруживает существенную специфику по сравнению с материалами других им изученных ареалов: близнецство представлено в меньшей степени в дуалистических космогониях (кроме некоторых западноафриканских, в период написания книги еще недостаточно известных), чем в ритуалах. Вместе с тем, как отмечал Золотарев, в Африке чаще всего отсутствуют формы дуальной организации, связанные с браком: речь идет преимущественно о культовом и церемониальном противопоставлении двух половин.

Этот вывод был в основном подтвержден и результатами более поздних работ, посвященных дуальной организации в Африке. Как выявлено в исследованиях последних десятилетий, многие африканские общества характеризуются не столько дуальной организацией, сколько двоичной символической классификацией. Связь соответствующих представлений с близнецным культом и с близнецством как основным космогоническим принципом обнаруживается в свидетельствах самих информантов, особенно догонов. Однако до сих пор эти свидетельства не были использованы в достаточной мере для типологического осмысления вновь открываемых данных о близнецном культе в других африканских традициях⁷, где этот культ оказывается исключительно устойчивым и сохраняется при существенных изменениях, характерных для последней половины столетия. В свете открытий недавнего времени целесообразно вновь вернуться к проблеме близнецного культа в Африке⁸.

⁵ А. М. Золотарев. Дуальная организация первобытных народов и происхождение дуалистических космогоний. [Рукопись]. М., 1941. (Архив Института этнографии АН СССР). Ср.: В. В. Иванов. Дуальная организация первобытных народов и происхождение дуалистических космогоний. Рецензии на кн.: А. М. Золотарев. Родовой строй и первобытная мифология // Советская археология. 1968. № 4.

⁶ А. М. Золотарев. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964. С. 209.

⁷ Чтобы не увеличивать объема статьи, пришлось отказаться от детальных ссылок на соответствующую литературу, которая приведена в библиографическом списке, прилагаемом к работе (в списке отражена используемая в статье литература, не включенная в постраничные сноски).

⁸ Уже после окончания статьи автор получил возможность познакомиться с новой работой В. Тернера, посвященной той же проблеме (V. W. Turner. *The Ritual Process. Structure and Antistructure*. Chicago, 1969. chap. II). В некоторых основных положениях обнаружилось значительное совпадение. Но Тернер сосредоточил свое внимание на чисто синхронном анализе двоичной структуры близнецного ритуала у ндембу, лишь эпизодически

Общеафриканским следует признать выраженное в ритуалах представление об аномальности близнецов, их неестественности (исключение здесь составляют некоторые дуальные западноафриканские космологии, в которых неестественными признаются, наоборот, неблизнецные рождения, но в ритуалах некоторых обществ — например в Дагомее — сохраняется представление о необычности близнецов). Для человека обычно рождение одного ребенка, поэтому рождение двойни воспринимается как отклонение от нормы или уродство. Близнецов относят к категории ненормально родившихся, их нередко обозначают тем же словом, которым называют уродов от рождения — *malweza* у тонга, *chigego* у кагуру, умерщвляемых у обоих народов; сходное значение имеет и слово *ilipasa* («рождение близнецов, ненормальные роды») у ньякьюса, однако в последнем случае, хотя близнецы и считаются «страшными» (*abipasya*), их не убивают; совершается лишь ритуал очищения, необходимый при рождении близнецов у всех африканских народов. У ньюро рождение близнецов относится к числу *mahano*, мн. ч. от *ihano* («странное, чудо»). У абалуйя в Кении «близнецество» обозначается словом *vixwana*, которое одновременно относится и к опасностям, сопряженным с близнецеством.

Обычай убийства близнецов с целью предотвращения этих опасностей засвидетельствован у многих народов Африки: кроме ранних свидетельств о готтентогах, лишь позднее заменивших убийство близнеца-девочки принесением в жертву двух овец, следует в этой связи упомянуть обычаи бушменов, ваджагга, тавета, зорамо, лугуру, нгулу, баротсе, бечуанов, педи, венда басуто, нгуни коса, игбо и ряда других⁹, в том числе значительной части народов, говорящих на языках банту в Южной Африке. Высказывавшиеся в этой связи соображения о трудности прокормления близнецов, особенно в обществах, где еще не используется в пищу молоко животных¹⁰, представляют интерес, тем более для противопоставления культу близнецов у таких скотоводческих народов, где, как у масан, второго близнеца кормит другая женщина, причем рождение близнецов вызывает радость. В пользу объяснений близнецных ритуалов хозяйственными и (или) бытовыми трудностями говорят также изречения эве типа «мать близнецов не лежит на одном боку» (потому что она должна кормить грудью обоих) и «мать близнецов не лежит на боку (во сне)» (потому что она должна успокаивать обоих). Показательны и такие реальные свидетельства недавнего времени, как рассказ на киконго «отца близнецов», совершившего обряд после их рождения, который не выполнил своей цели: один из близнецов и их мать умерли¹¹. Ритуал здесь нужен только для обеспечения выживания матери и самих близнецов, т. е. для преодоления трудностей, сопряженных с их рождением, что явно представляет собой переосмысление древнего обряда.

приводя некоторые параллели из других африканских традиций (материалы Западного Судана там почти не использованы).

⁹ Для отдельных частей Африки составлены соответствующие этнографические карты (см.: D. A. Talbot. The peoples of Southern Nigeria. Vol. III. London, 1926. Д. 200—261; S. Lugercrantz. Über willkommene... S. 206—266).

¹⁰ V. Turner. The Ritual Process. P. 43—44, 81.

¹¹ I. M. Janzen. Laman's Kongo ethnography: observations on sources methodology and theory // Africa. 1972. Vol. XLII. № 4. P. 323—324.

Непосредственное выведение обычая умерщвления близнецов из этих трудностей было бы, однако, позднейшей рационализацией (естественной при чисто синхронном подходе, как у Тернера). Этому противоречат уже объяснения самих информантов. Зулусы, придерживавшиеся ранее обычая убивания одного из близнецов, последовательно не признавали близнецов людьми: считалось, что у близнеца нет мозга (хотя он связан с духами и наделен рядом ритуальных функций), до 16 лет ему не давали имени, его не включали в число детей при их перечислении. По-видимому, здесь, как и во многих других случаях, хозяйственный аспект проблемы нельзя отделять от ритуального. Обычай убийства одного из близнецов — девочки, как у готтентотов, или мальчика, как у бушменов ауин, — можно рассматривать как попытку возвращения к норме в обоих аспектах.

Обычай умерщвления близнецов в Африке характеризуется высокой степенью ритуализации: нет умерщвления близнецов без ритуалов. Неестественное воспринималось прежде всего как сверхъестественное. Сами близнецы и их мать рассматривались как носители сверхъестественной силы — *nyama* у догонов, что предполагает «двойное отцовство»: живота матери близнецов коснулся *Yéban* — хозяин земли. Коллектив необходимо было оградить от этой силы.

В ряде коллективов близнецов не убивали, а отделяли от общества, как у суку (в Конго), чьи обычаи в связи с «ритуалом отделения» разобрал еще ван Геннеп в своей классической работе об «обряде перехода». Р. Харрис рассматривал поселения близнецов (*twip-towns*) в качестве одной из наиболее характерных черт близнецного культа в Африке. Но чаще всего уединиться от общества для безопасности последнего должны не столько близнецы, сколько мать близнецов (естественно, вместе с ними, если их не убивали). У ньякьюса в основном боялись опасности, грозящей со стороны родителей близнецов, которых (как и самих близнецов) называли «страшными» (*abipasya*), поэтому их мать (с ними вместе) отделяли от общества. По свидетельству XVIII в., у эфик в Калабаре (Нигерия) близнецов умерщвляли, кладя их в горшках в лесу, а их мать высылали из селения. Обычай отделения родителей близнецов от всего племени (часто с позднейшим переосмыслением в духе сакрализации близнецов и их родителей) известен у йоруба, тонга, басабеи, бусога, бвамба, ньоро и ряда других племен; у басабеи после рождения близнецов их родители не выходили из дома в дневное время (т. е. оставались невидимыми) четыре месяца.

Ритуал изоляции родителей в Африке известен и после рождения одного ребенка, например у кагуру, но подобная изоляция при рождении близнецов отмечается большей строгостью и длинным сроком. У ньоро и некоторых соседних племен мать и отца близнецов держали в столь строгой изоляции, что кормили через маленькое окошко. В конце периода изоляции родителей проделывалась дверь в их доме, чтобы они могли выйти.

Эти общеафриканские ритуальные представления, находящие параллели и у многих других народов мира, следует признать исключительно древними в свете данных приматологии. Согласно недавно опубликованным материалам, представлявшимися загадочными самой исследовательнице¹², в обезьяньем стаде уда-

¹² Н. А. Тих. Предыстория общества. Л., 1970. С. 126—127; ср.: В. В. Иванов. К предыстории знаковых систем // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам I (5). Тарту, 1974. С. 84.

ется обнаружить те же черты поведения по отношению к двойне, которая, как и у *Homo sapiens*, у обезьян (в отличие от полуобезьян) представляет собой необычное явление. Удивление стада вызывала и сама двойня, и мать близнецов, державшаяся после их рождения поодаль от стада, причем ее отгонял в сторону вождь; при общении с ней другие самки делали особые жесты (охватывали ее лицо руками, внимательно оглядывали); они пытались захватить одного из близнецов. В соответствии с утверждающимся в последнее десятилетие в науке представлением о далеко идущем сходстве поведения членов ранних человеческих коллективов и других приматов¹³ дилемму, возникающую перед исследователем поведения приматов, можно сформулировать следующим образом: либо один и тот же комплекс поведенческих ритуалов возникает параллельно (конвергентно) в каждом коллективе приматов при появлении двойни (что трудно принять по простым вероятностным соображениям), либо он является архетипом, наследуемым в каждой данной традиции. В таком случае корни этих явлений оказываются существенно более древними, чем другие черты близнецного культа. В частности, можно предположить древность обряда убийства одного, а не двух близнецов вопреки гипотезе о пути развития от убийства обоих близнецов к убийству одного, принимавшейся ранее. Данные приматологии подтверждают гипотезу Р. Харриса о «Великом Страхе», который некогда внушали близнецы.

В качестве следа архаических представлений о близнецах как опасной и смертоносной силе можно рассматривать поверье дан (в Западной Африке), по которому близнецы посягают на жизнь своих родителей противоположного пола: сын на мать, дочь на отца. У нгбанди близнец-брат говорит своей сестре: «Если ты убьешь мою мать, я убью твоего отца». В западноафриканском мифе бульса близнец-брат отрывает груди матери и тем самым ее умерщвляет, оскотливает и тем самым умерщвляет отца. В свете типологических параллелей в этих мотивах можно видеть след трансформированного мифа об инцесте разнополых близнецов, известном у куаньяма амбо и у догонов в представлении об инцесте Ого и его близнеца-плаценты. Поскольку чаще всего в мифах этого типа виновной считается сестра, с такими мифами можно сравнить и ритуал убийства девочки в разнополой паре у готтентотов (при обратном обычае убийства мальчика у бушменов). У болобо и некоторых других племен распространено поверье, по которому один из близнецов убивает другого.

В Африке, по-видимому, еще более отчетливо, чем в других ареалах, обнаруживается установление ритуальной связи близнецов с животными. Поскольку многоплодие характеризует животных в отличие от людей, во многих случаях близнецы и их родители в Африке ассоциировались с животными. Трудность воспитания близнецов поясняли сравнением их с животными. У игбо, где рождение близнецов вызывало отвращение и их убивали, мать близнецов хулила, говоря о ней как о животном. У ндембу в записанном Тернером близнецном ритуале врач (шаман) обращается к родителям близнецов с призывом, который по самой

¹³ Л. А. Файнберг. О некоторых предпосылках возникновения социальной организации // Советская этнография. 1974. № 5. С. 94—103; V. Reynolds. Kinship and the family in monkeys, apes and man // Man in adaptation. The biosocial background. Chicago, 1974. P. 138—149; Он же. The biology of human action. Reading, 1976.

лексике предполагает обращение к животным (домашним): «Врач говорит им: идите в крааль», где редуцированное слово *mulimbamulimba* представляет собой обычное обращение к овцам или козам. Его произносят, когда животных на ночь загоняют в крааль. В качестве разительной типологической параллели можно указать на употребление нивхского глагола *пнюдь* — «умереть» (вместо обычного *мудь*) только по отношению к медведю, содержащемуся в клетке, и близнецам. О конкретности нивхских представлений, отраженных в этом словопотреблении и в нивхских названиях близнецов *ырин'а* («задний зверь») и *нуг'ина* («передний зверь») при *н'а* («зверь»), свидетельствуют нивхские обряды захоронения матери близнецов в медвежьей клетке. Е. А. Крейнович, наиболее полно (после Л. Я. Штернберга) изучивший нивхские близнецные обряды, отмечал свое изумление этим во время полевой работы¹⁴. Но для Африки подобные поверья следует считать весьма распространенными; характерна, в частности, многозначность в языке нгбанди слова *ngo* («змея, близнец»).

Самый характер убийства близнецов в Африке часто предполагает звериную породу: близнецов обычно относят (в горшке или кувшине) в болото (в воду) или в лес (где они блуждают и посмертно) на съедение животным, как бы возвращая их той нечеловеческой среде (часто водной), с которой их связывают; таковы обряды игбо, лугуру, оставивших близнецов на *mahuto* — запретных местах, бари, фэйюла, вакира и других племен. Для интерпретации этих обрядов характерно засвидетельствованное в Дагомее представление о близнецах как детях лесных духов, к которым они возвращаются после смерти.

В наиболее общем случае предполагается звериное происхождение близнецов. Их считают происходящими от какого-либо животного или находящимися в родстве с ним, вследствие чего на близнецов накладывается запрет есть мясо соответствующего животного: у йоруба обезьяна — брат близнецов, у дан близнецы связываются с черной змеей, у глидьи-эве — с буйволами. Несомненной заслугой Золотарева было то, что он проницательно сопоставил такие представления (где обнаруживается обычная связь тотемного зооморфного классификатора с соответствующим табу) с близнецным тотемизмом, который был открыт сначала у восточных динка, а в последнее время установлен и у западных динка, и у нуэр. Суть этого явления заключается в том, что родоначальник племени или линии считается близнецом тотемного животного (тотемного зооморфного классификатора); по-видимому, частный случай того же явления можно видеть в обычаях баньянколе, где близнецов почитал только клан батва, тотемом которого были близнецы. В наиболее общем виде идея близнецного тотемизма выражена у догонов, которые считают, что у каждого человека есть свой близнец — животное; сами же близнецы у догонов состоят в «союзе» со скорпионом. След близнецного тотемизма можно видеть и в некоторых фольклорных сюжетах, например в суданской легенде, где царь воспитывается вместе со львенком, что обоснованно сопоставлялось со львиной династией (у мали)¹⁵; это согласуется и с ролью царского символа льва в других африканских традициях, в частности у свази: царь как *ingwenyama* («лев»). Но особенно интересен миф кизиба, по кото-

¹⁴ Е. А. Крейнович. Нивхгу. М., 1973. С. 432—440.

¹⁵ D. Paulme. Une légende africaine du conquérant // L'Homme. 1966. Vol. 6. № 3. P. 24—25.